

Барбашина Варвара Терентьевна

Из воспоминаний

Родилась я в селе Богородском (*примерно 150 км на север от Оренбурга, 52,71 град. сев.широты, 55,06 град. вост.долг.*) 26 ноября 1901 года. Мама поехала в гости к своей матери, там я и родилась. Семья была 18 душ, все жили в одном доме. Дед и бабушка, братья отца с женами, 3 сестры были замужем, жили у мужей. Дед Евтей, бабушка Саша, брат Петр с женой Акулиной, брат Никифор с женой Пелагеей, Терентий с мамой Матреной. Сестры старшие были Матрена, Лушка. Я у отца с мамой была старшая, Нюра – вторая, Таня, братья Иван, Петя (оба убиты на войне).

С 7 лет пряла и ткала, летом все работали в поле, снопы вязали, копнили, хлеб убирали, дома пряжу толкли, пыль стояла столбом, не продохнешь, потом пряли, ткали. Был полный сундук холстов, каждой дочери на приданое. Швейных машинок не было, шили все на руках, из холстов белье, рубахи, подштанники, а женское платье из шерсти было, ткали отдельно. Гимнастерки, брюки тоже из шерсти. Скотину держали в сарае, 4 лошади с 2-мя жеребятами, коровы, свиньи. Сарай были без потолка (*без сеновала наверху*), а зимы холодные, скотина вся согнется, корову водили доить в избу, на холоде она не доилась.

Все спали в передней, большой комнате, полати были, на них спали, а дедушка с бабушкой на кухне на печи. Денег не было, делить нечего, потому скандалов не было в семье. Деньги были у бабушки, ей отдавали заработанное, за аренду шерсточесалки тоже. Помню золотые 5-рублевки, маленькие как 2 копейки сейчас. Снохи всегда спрашивали у нее, чего варить к обеду, она была больная, задыхалась, наверное астма, с печи уже не слезала.

Молодые жили весело, вечерки были, по праздникам или на свадьбы ходили толпой по деревне, пели, гармошка маленькая татарская была, по косе или по заслонке печной ножом играли. По воскресеньям никто не работал, вся семья в церковь, дома оставался только кто еду готовил. Как в колхоз, церкви стали ломать. В Оренбурге собор был огромный, колокол был такой, что за городом слышно. Собор взрывали-взрывали, долго не могли порушить. На этом месте Дом Советов построили.

У нас на войну в 14-м году трех мужиков взяли, одни женщины в доме, отец взял мальчишку помогать пахать, косить, лошадей гонять в ночное, за это потом и раскулачили. Многие брали на лето работников, их кормили, одевали, сапоги, лапти им, деньгами тоже или там десятую или тридцатую долю с урожая давали. А зимой они ничего не делали, лодыри смертельные, в

карты играли, ни скотины, ничего в доме. На лето наймутся, кое как отмотают, и все. К нам нанимались четыре брата, земли у них что ли мало было, хорошие ребята. Отработают, а зиму дома, скотина какая была у них, потом они разделились, построили по избенке. А кто и пропивал, но такого, как сейчас пьют, не было. Бабы тоже нанимались на работу. Нас раскулачили по злу, а какие мы кулаки? Ромашку тоже раскулачили, хоть он и не держал работников.

Пожились мы в 1919 году, когда Сергей пришел из плена, тогда и познакомились. В плену австрийском их разобрали по дворам, Сергей работал у хозяйки, хорошо кормили. У хозяйки была молодая дочь, предлагали ему остаться. Отец мой тоже в плену у хозяев работал. Жили у отца, потом в 21 году был голод, у Романа было уже трое детей. По голоду разделились, сосед продал за 2 пуда пшеницы избенку новую, но тоненькую. Туда пошел Роман, а мы остались у свекра.

В Оренбург ездили на лошадях и зимой, и летом, на третьи сутки приезжали, ночевали на постоянных дворах, там можно было и купить все, овес для лошадей, сварить чего, ночевать, платили за все, потому с собой везли и овес, и сено. В Оренбург хлеб возили, амбары там были огромные. Деньги получают и купят пшено, сахар, хлеб городской, душистый, запах от него на всю избу, 16 копеек стоил. Булки французские за одну копейку как батоны сейчас. В деревне сами хлеб пекли. В городе купцы большие лавки держали, все там было, что надо. Можно было все купить, а тебе это домой на лошади привезут, за это копейки брали. Федя Красников, грамотный и умный, тоже у купца товар развозил. Он раньше в город уехал, говорил, что жизни в деревне не будет – 'Сережа, поехали, поехали, сейчас у меня проживешь, поработаешь год, дом купишь'. "Куда ж я от мамы в город поеду?"- отцу говорю. Потом только волосы на голове рвать оставалось, когда раскулачили. Не послушал бы меня отец, другая жизнь была бы, а так в город приехали нищими.

В деревне торговали в лавках мылом, солью, тем, что на каждый день, носильщики (коробейники) по домам ходили, товар выложат, материю продавали в долг, через год придут за платой.

Марфуткин муж, Щепкин Иван, у которого мы потом жили в подвале, старостой был в Казанке, что в 7 км от нас, он уехал раньше в город – 'жизнь такая, надо из деревни уезжать', говорил, 'в колхозе будешь лошадей сторожить, она сдохнет, а ты за нее платить будешь.' Так и было. Не верили, он уехал, а наши нет. Работал на элеваторе, хлеб принимал, а сам его в сторону и припрятывал, на этом попался, когда мы уже в Оренбурге жили. Убежал, где-то под чужой фамилией работал, а жена к нему поехала и оттуда

прислала письмо детям, что доехала, и все хорошо. Это письмо перехватили, нашли их по адресу и обоих посадили. Ему дали 10 лет, он там и погиб.

Голод был после того, как у всех урожай отобрали, вымели все подчистую. Кто не припрятал хлеба, поумирали с голоду. У церкви было 4 каменных амбара для хранения семян, 3 из них были забиты умершими зимой. Хоронить зимой не могли, земля мерзлая, да и некому. Весной они стали разлагаться, запах пошел. Стали копать неглубокие ямы, в них свалили их как попало, хоронить некому было. Весной нечего было сеять, семян не было, мы посеяли подсолнухи, мак. У нас корова осталась, молоко было детям, 4 мешка пшеницы спрятали в яме для картошки на задах (раньше погребов не было, для картошки на зиму копали ямы), ночью отец с Романом пшеницу отнесли и забросали навозом. Потом тайком доставали, толкли, варили, так и выживали.

Отец умер в 23-м, мать в 25-м. Разделились с Егором, когда он женился, нам достался дом, а ему отдали всю скотину - всех овец, двух коров, лошадей отдали, свинью он отдал назад отцу, чтобы ее продали, купили корову, детей кормить молоком.

В 1921 году, я тогда Ваню ждала, мужики из соседней деревни Романовки приехали, говорят, давайте коммунистов убивать. Много их было, но наши с ними не поехали. Они поехали в Егорьевку и Зеркло, а там им сказали 'вы что, вас всех побьют'. Чего они хотели еще, не знаю, но разбежались, испугались, что их перебьют и попрятались.

У нас на речке баня была, пошли мыться, коммунист бежит, он в сельсовете работал - 'ты далеко бежишь?' - 'Коммунистов убивать хотят'. Кум Ромашка ему - 'идем, я тебя спрячу'. Спрятали его у нас на потолке. Дали ему одежду, жил он там, пока все не прошло. Свои Богородские двух коммунистаов убили, один жил в соседях, у отца двоюродного брата на постое стоял, пришли к ним и убили. Потом еще одного, а хорошие были ребята, умные. Приехали конные военные, с шашками наголо, стали собирать мужиков, кого оправдали, кого в амбар под замок, полный амбар их было. Наших не тронули, тот коммунист сказал, что Барбашиных Сергея и Егора не трогать, они меня спасли. Ночью вывели их, 16 человек, вырыли вперед на могилках яму, и повели. Один там певчий был, из церкви - 'Товарищи, дайте в последний раз перекреститься на церкву', молился, молился. Постановили всех в ряд, стрелять стали. Потом ушли, а утром пришли закопать, одного нет. Сказали - 'счастье его'. Попов, сосед, очнулся и добрался до родственников, спрятался в погребе. Потом к теще в Проказовку, там прятался, пока обмороженные руки и ноги не зажили, после уехал в город, там жил и там помер, три дочери у них было. Жена его до сих пор

жива, дети. Наши просили – 'давайте их похороним как добрые люди', разрешили похоронить расстрелянных. Откопали, вымыли их, положили в гробы, но хоронили в одной могиле, плач стоял на всю деревню. В четырех дворах по 2 брата убили, а еще дезертиров, кто от армии дома прятался, тоже убили. Потом приезжали еще, арестовали, а по дороге всех убили. Один мальчишкой был, когда отца убили, он памятник потом поставил на могилках, большой, я видела.

Потом еще приезжали, спрашивали – 'где мужики?', 'нету, уехали недавно', мужики от них прятались и лошадей прятали, чтоб не увидели, что они мокрые, потные, недавно работали. Страсть была и ужас. Пятерых забрали, увезли в Октябрьское под Оренбург, привезли, там и постреляли. В другой раз набрали виновников, повезли, а дорогой едут, едут и застрелят, так всех побили.

В 1929 году сначала в колхоз заманивали, тем, кто добровольно вступал в колхоз, давали льготы, землю им отвели, обещали сытую жизнь, даже если что привозили в магазин – только колхозникам. Потом начали принуждать налогами а тех, кто не вступал, плати 100 рублей неизвестно за что, а когда заплатят, им новый налог. Весь инвентарь, всех лошадей надо было отдать в колхоз, корову оставляли. Единоличники многие все распродавали, уезжали в город. Уже в 1930г. начали раскулачивать, кто побогаче и не вступали в колхоз.

Были и хутора, в Камаевке было дворов 20, работали с утра до ночи, мозоли с рук не сходили, но и жили богато. На сезон нанимали людей, платили им, а после сами управлялись, семьи большие были. Зимой приехали оборванцы, хутор окружила гопота эта, всех выгнали. Когда их увезли в Котлас, что ли, коммуну там сделала эта шантрапа. Может год эта коммуна была, все что было, сало в кадушках, хлеб, скотина – все пожрали, хутор сожгли, сейчас и место не найдешь, где был хутор. В другом хуторе около Зеркла мужиков не было, одни вдовы, у них земли своей было много (*в вечном пользовании, что было нечасто*), они нанимали работников, всех раскулачили, все отобрали, а их с детьми сослали в Акмолинск, там все и погибли.

В голодном 33 году на колхозном току, где лежало зерно, когда его уже увезли, Роман смел остатки с земли, намел килограмм 10, ему за это дали 10 лет, сидел вместе с женой, а двоих малых детей отдали в приют, а побольше, те скитались кто где. Мальчишка в Богородском по помойкам шлялся, шкурки какие собирал, его тетка и кума Арина домой не пускали, ночевал под крыльцом. После тюрьмы Роман завербовался, уехал в Забайкалье,

работал на железной дороге, у них было 2 сына и 3 дочери. Еще раньше их раскулачили как богачей в 30-м году.

Три года мы были в колхозе, а в 33 году начались чистки, раскулачили, отняли корову, выгнали из дома, уже было четверо детей, Ваня, Мария, Петя, Таня. Пришли, отобрали все, 'выходите из дома'. Стали жить у кумы Арины, пожили две недели. Председатель каждый день ходит, 'уезжайте'. В нашем доме стал жить начальник из сельсовета Александров, змей такой, потом через несколько лет уже и дом порушили. Отец в пристройке, где корову держали после отела, зарыл кадушку с пшеницей, ночью пошел откапывать, когда Александров уехал. А тот в это время вернулся, 'Кто там?', отец успел убежать, домой прибежал, 'Александров меня поймал, собирай меня'. Лапти намотал, сапоги ему берегла, взял, помолился, взял сухарей, заранее приготовила ему, собрался в одну минуту. У нас уже все было приготовлено, говорили, что раскулаченных увезут куда-то, а мы все ждали чего-то.

В задние ворота вышел, через бугор по пашне ночью шел 10 км в Гусеево, на дороге сел в попутную машину и уехал в Оренбург к родной сестре отца Марфуше, но без документов на работу не брали, и он через 2 недели вернулся и спрятался на потолке. Брат пошел к единоличнику Фаддею, век его помнить буду, он жил в Богуславке, рядом с Богородским, попросил лошадь и тот дал, знал, как над нашим братом издевались. Погрузили все добро на телегу, а все добро – одни дерюжки, брат отвез всех в Зеркло, там сели на машину, с шофером не рядился, сколь просил, дал. Жили в Оренбурге у сестры, потом сняли жилье в подвале. Документы в Богородском помог достать Сошнин, брат Петькин, он раскулачивал, за документы отдали все, что было, пропоили их тоже. Устроился на работу, дали жилье в бараке, там жили до 1937 года, потом начали строить дом.

В 33 году был страшный голод, тогда жили в подвале. У кого мы жили, вперед в город уехал, еще раньше нам говорил, что жизни в колхозе не будет, но никто никому не верил, Боже сохрани, в город ехать. Когда вытряхнули из колхоза, в город в одних рубахах. Отец не каждый день приходил ночевать домой, через гору ходить сил не было из-за голода. Один раз он пришел, сели ужинать, а ужин какой – крошка хлеба, да вода горячая, ставни открыли, а оттуда ноги в окошке, стекло разбито, испугались, оказалось кто-то умер с голоду, а на нем новенькие ботинки, чулки белые-белые. Оттащили его к дороге. Всю ночь не спала, думала милиция придет. В голод спать совсем не могла, всю ночь есть хотелось. Осталась шкурка, да кости, задницы никакой не было. Утром того на сани положили и увезли, тогда ездили на лошади, собирали умерших от голода. Идет человек по городу, упал и умер, и валяется, пока не подъедут, погрузят и увезут неизвестно куда. Отцу сказала '

Как хочешь, а домой ходи ночевать, а то мне страшно с детьми.' Отец после стал ходить домой. Однажды от голода я упала дома и подняться не могу, попросила Ванюшку, чтоб сходил к хозяйке, попросил хлеба. Та дала целую краюшку, поела и немного ожила.

Хлеб по карточкам, рабочим 800 граммов на день, остальным 200 г. На рынке буханка стоила 200 руб, а у отца жалованье 114 руб. в месяц. За хлебом с Марусей ходили. Очереди за хлебом темные, нас прикрепили к магазину, где торговал из Богородского Андрей Иванович, как меня увидит, через головы шумит 'давай карточки'. Я ему карточки и мешок передам, он отвесит хлеб и мешок завязанный передаст. Домой идем, Маруся - 'Мам, дай откусить'. Она укусит и я корочку, а вкус медовый-сладкий. Давали на 3 дня, а мы в один день съедим и потом голодом сидим. Трое мужиков с отцом уехали за город, в совхозе строили молочную ферму, там их кормили, хлеб берегли, возили семьям. Пока они приедут, хлеб внутри станет зеленым, сверху вроде хорошая корка, а внутри все сопрело. И творог тоже заплеснелый, а все съедали, сладким все было.

В 35 году осенью поехала в деревню, купить на зиму хлеба, урожай в том году был хороший, отец дал 110 рублей на все. У Анютки тогда и брат жил, их тоже раскулачили. Николай, Анютин муж насыпал мешок муки, другой брат тоже дал мешок, мама сваяла две пары валенок, козу дали, чтоб детей кормить молоком. У барака можно было пасти ее. Брат отвез меня в Зеркло, чтоб ждала машину, свалил все и уехал. Нет, чтоб оставить что-то у родни, которой там было много, стала ждать машину. Подъехал мужик из Богусловского с/совета с милиционером, Пичинин Михаил его звали. 'Ты Барбашина? Раскулаченная, спекулируешь тут матерьялом, клади барахло, садись'. Все забрали, повезли в сельсовет, стали писать бумагу. Протокол не читала, неграмотная, темнота темнотой была, там что-то прочитали, сказали подписать, а я попросила какого-то мужика - 'Дядя, подпиши', он подписал. Милиционер спросил 'деньги есть?' А все деньги у меня остались, даром родня все дала, деньги милиционеру отдала, он 40 рублей вернул, остальное в карман. Видно, хотел, чтоб я на эти деньги уехала. За эти деньги меня бы хоть до самого Ташкента довели. А сама не додумалась, стала ждать, чтоб все вернули, ни в чем же не виновата. День жду, другой, на третий день видят, баба не уходит, забрали, увезли в Шарлык, там в суде дали 5 лет за спекуляцию. На суде ничего не помню. Я говорю, что не виновата, а те – ты же протокол подписала, что спекуляцией занималась. Мама и брат знали обо всем, а помочь не догадались и отцу не сказали.

После суда нас, человек 20 отправили в Оренбург, где пешком, где подвозили на попутках. В тюрьме ходила на работу на швейную фабрику,

швей шили халаты, а мы человек 5 петли обметывали. Потом отправили в совхоз НКВД, там свиньи, коровы и очень много было там заключенных, ухаживали за скотом, на полях. Работала на кухне, там была боевая баба, сидела за спекуляцию. Когда приехало гулять на май начальство НКВД, к приезду несколько дней варили, жарили, она кому-то из них сказала, что баба сидит ни за что, а у нее четверо детей. Позвали меня, а я расплакалась, сказать ничего не могу, больше часа успокаивали, потом все рассказала. Начальник все записывал. Собрали нужные бумаги, отправили в Москву, они ходили с мая до ноября 36 года. Отец тоже хлопотал, в Москву к Калинин (М.И. Калинин - 'всесоюзный староста', председатель Верховного Совета СССР, как бы президент) ездил, но тот был в отпуске. На машзаводе стирала рабочую одежду вдвоем с напарницей. В тюрьме и Витя родился, там было 8 баб, все с детьми. Начальник говорил, 'как пойдешь в декрет, отпущу', но, сука, так и не отпустил. Отец и Ванюшка приходили на свидания, но отец не велел говорить, что мама умерла 23 августа. Она жила в Оренбурге с ними, помогала с ребятами управиться, стирала, варила, и я считала, что дети присмотрены. Раз отец пришел с Танюшкой, она глаза вылупила, меня не узнала, раскричалась, и охрана их прогнала. Отсидела 1 год и 3 месяца. Домой шла, а соседка встретила, 'ты, Варя, насовсем? А знаешь, мама твоя умерла 2 или 3 месяца назад'. У меня Витька из рук упал, я заголосила, а отец услышал, 'никак Варин голос', он был дома на бюллетене, худой, болел сильно, хотели его в больницу, а куда детей? Потом успокоилась, пришли Хаврошка, Парашка, Наташка, соседи по барaku, стали гулять.

Дом начали строить, когда дали землю, нарезали в 37-м году. Все рядом строили с одной ПЧ-13. Сами саманы делали, и нанимали тоже, работы много было, дом, сенцы, сарай, отец один все строил, мы помогали, как могли. На дровяном складе выпрашивали бревна, каких палок накидают, из того и строили. У Ванюшки документов не было, он родился 13 марта 21 года, а в больнице возраст определили как 1922, год ему убавили. Он школу закончил, работал счетоводом на элеваторе перед войной. Там был хлебный магазин, он в нем наблюдал порядок в очереди, а народу миллион в очереди, он вставал у двери и пускал в магазин. А мы сбоку стояли, чтоб ему карточки передать.

Ивана провожали в армию 15 июня 41г., а война 22-го началась. Все вышли провожать, а он возле двери об стенку головой, плакал, 'дом родной!', я ему - 'сын, неохота идти?' а он - 'ой, мама, неохота'. Пришли в военкомат, а там пузатый военком, - 'не расстраивайся, не плачь, мамаша, войны не будет, у нас договор'. Как началась война, их сразу на фронт, состав

разбомбили, многих убило, его задело в лопатку, шинель вся в клочья. 100 километров бегли назад. Сало, носки шерстяные на зиму что ему положили, все бросил. Шесть месяцев обучали, потом опять на фронт, а там его поранило. Опять в больницу, потом учился в Горьком. Писал – живу в самом центре, напротив – театр. Он уже был в частях НКВД, когда послали запрос свериться, не кулак ли какой, не в Оренбург, а в Богородское, где родился. А в сельсовете Лутова Машка и Максимов Константин подписались, что отец раскулачен, дядя с теткой осуждены на 10 лет. Ему это прочитали, он в письме домой это все описал. Сказали, 'что ж ты Барбашин скрывал, что раскулачен', и сняли с работы, отправили на фронт, на передний край, где его и убили. Свою форму, гимнастерку, брюки он прислал домой из Горького. Товарищ его написал, что он его похоронил в Винницкой области, и место написал - под кустиком, а где, не запомнили, а письмо не сохранилось. Отец посылал потом письма, спрашивал, кто он, откуда родом, чтоб заехал к нам, рассказал про Ивана, но ответа не дождались, может тоже уже убит был, кто его знает.